Т Р У Д
гор. Москва
18 ИЮН 1943

Горький и Россия

Высокие патриотические чувства всегда были одной из характерных черт русской литературы. «В России каждый писатель был воистину и резко индивидуален, но всех об'единяло одно упорное стремление — понять, почувствовать, догадаться о будущем страны, о судьбе её народа, об её роли на земле», — писал Горький. Сам он с исключительной полнотой воплотил в себе это стремление.

Юношеские странствования Горького положили основу тем его сказочным по своему богатству и изумительным по своей, так сказать, интимности знаниям о России и русском народе, которые составляют пленительную особенность его как писателя. Энциклопедия русской жизни — эта формула, выдвинутая когда-то Белинским применительно к Пушкину, сама собой воскресает в памяти, когда обращаешься мыслью к произведениям Горького. В самом деле, даже в русской литературе, не имеющей себе равных по широте своих эпических полотен, творчество Горького выделяется своей исключительной исторической ёмкостью, огромностью своего социального диапазона. Нет такого уголка русской действительности, в который не заглядывал бы он своим сосредоточенным и проницательным взглядом. Бесконечная галлерея образов русских людей всех рангов и состояний развёртывается перед нами в рассказах и очерках, романах и драмах Горького.

Но одного только этого недостаточно ещё для того, чтобы в полной мере оценить смысл и содержание всего написанного Горьким о России и русских людях.

«...Я вижу русский народ исключительно, фантастически талантливым, своеобразным», — писал он. «Я уверен, что по затейливости, по неожиданности изворотов, так сказать — по фигурности мысли и чувства, русский народ — самый благодарный материал для художника». Этим ощущением необычайного душевного богатства, внутренней одарённости русского народа как бы изнутри озарены все созданные Горьким образы отдельных русских людей. В жизни и в литературе ему особенно симпатичен тип «озорника», родственный отчасти излюбленным героям народной поэзии Запада, но осложнённый чисто-русскими, национальными особенностями — той «неожиданностью изворотов», «фигурностью мысли и чувства», о которых так хорошо говорил он. «Озорство» для Горького — свидетельство полнокровности, широкого размаха, обилия жизненных сил, активного отношения к миру.

Из всех персонажей русского эпоса самый близкий ему — Василий Буслаев, о котором Горький собирался даже писать пьесу. Замысел этот остался неосуществлённым; сохранился только сообщаемый самим писателем монолог её героя, замечательно полно раскрывающий его внутренний облик:

Эх-ма, кабы силы да поболе мне!
Жарко бы дохнул я — снега бы растопил,
Круг земли пошёл бы да всю раскопал,
Век бы ходил — города городил,
Церкви бы строил да сады всё садил!
Землю разукрасил бы, как девушку,
Обнял бы её — как невесту свою,
Поднял бы я землю ко своим грудям,
Поднял бы, понёс её ко господу:
— Глянь-ко ты, господи, земля-то какова, —
Сколько она Васькой изукрашена!
Ты, вот, её камнем пусти в небеса,
Я же её сделал изумрудом дорогим!
Глянь-ко ты, господь, порадуйся,
Как она зелено на солнышке горит!
Дал бы я её тебе в подарочек,
Да — накладно будет — самому дорога!

Так ярко отраженные в приведённом монологе основные черты этого эпического героя Горький умел разглядеть в каждом русском человеке, достойном, разумеется, того, чтобы называться этим именем. В самых, казалось бы, эскизных, мимолётных зарисовках его сквозит постоянно испытываемое Горьким чувство преклонения перед героичностью русских людей, перед их готовностью к подвигу и перед той простотой и скромностью, с какой идут они на подвиг. Вот Митя Павлов, сормовский рабочий — рядовой сын своей родной земли. «В 1905 году, во дни московского восстания, он привёз из Петербурга большую коробку капсюлей гремучей ртути и пятнадцать аршин бикфордова шнура, обмотав его вокруг груди. От пота шнур разбух или слишком туго был обмотан вокруг ребер, но, войдя в комнату ко мне, Митя свалился на пол, лицо его посинело, глаза выкатились, как это бывает у людей, умирающих от асфиксии», — рассказывает о нём Горький.

«— Вы с ума сошли, Митя? Ведь вы могли дорогой упасть в обморок — понимаете, что тогда было бы с вами?

Задыхаясь, он ответил виновато:

— Пропал бы шнур и капсюли тоже».

А горьковские образы русских женщин, горящие тем же неугасимым эпическим пламенем! Обобщая эти образы, Горький писал: «...Нет надобности напоминать... исторические заслуги русской женщины, её великий социальный труд, её подвиги. Начиная с Марфы Борецкой и Морозовой, кончая женщинами раскольничьих скитов и революционных партий, мы видим перед собою образ эпический. Величественная простота, презрение к позе, мягкая гордость собою, недюжинный ум и глубокое, полное неиссякаемой любви сердце, спокойная готовность жертвовать собою ради торжества своей мечты, — вот духовные данные Василисы Премудрой, великолепно и любовно очерченные старыми мастерами образа и слова, а ещё точнее — музою новейшей русской истории».

Говоря о величайших своих современниках, рисуя исполненные неувядающей духовной красоты образы Ленина, Толстого, Горький особенно любовно останавливается на тех их чертах, которые характеризуют их именно как русских людей, кровных сынов своего народа. Величайшее обаяние ленинского героизма заключалось, по Горькому, прежде всего в глубоко-национальной окраске его: «Это нередкое в России скромное, аскетическое подвижничество честного русского интеллигента-революционера, непоколебимо убеждённого в возможности на земле социальной справедливости, героизм человека, который отказался от всех радостей мира ради тяжёлой работы для счастья людей».

Простота Ленина, отсутствие в его духовном облике привычных внешних аттрибутов политического вождя представлялась Горькому особенно впечатляющей на фоне его недавних встреч с немецкими социал-демократами — встреч, непосредственно предшествовавших его приезду на Лондонский с'езд, с которого началось его сближение с Лениным. «За два года, прожитых мною вне родины, обычное самочувствие моё сильно понизилось», — писал Горький об этих своих встречах. — «Понижаться оно начало с Берлина, где я видел почти всех крупнейших вождей социал-демократии, обедал у Августа Бебеля, сидя рядом с очень толстым Зингером, и в среде других, тоже весьма крупных людей. Обедали мы в просторной, уютной квартире, где клетки с канарейками были изящно прикрыты вышитыми салфеточками и на спинках кресел тоже были пришпилены вышитые салфеточки, чтобы сидящие не пачкали затылками чехлов. Всё вокруг было очень солидно, прочно... Пили рейнское вино и пиво, вино было кислое и тёплое, пиво хорошее; о русской революции и партии социал-демократов говорили тоже кисловато и снисходительно, а о своей, немецкой партии — очень хорошо! Вообще — всё было очень самодовольно и чувствовалось, что даже стулья довольны тем, что их отягощают столь почтенные мякоти вождей... Видел я в Берлине литераторов, художников, меценатов и других людей, они различались друг от друга по степеням самодовольства и самолюбования».

Много прекрасных, навсегда остающихся в памяти слов было сказано русскими писателями о русской природе, о её торжественном величии и о её мягком, ласкающем лиризме. Но даже на этом богатейшем, переливающем всеми цветами и красками фоне, слова, найденные Горьким, как художником русской природы, звучат особенно взволнованно, особенно впечатляюще. В самом русском пейзаже он сумел разглядеть какие-то черты, отражающие творческую мощь народа: «Быстро несётся вниз по течению красивый и сильный «Ермак»... и по оба бока его медленно движутся навстречу ему берега Волги, — левый, весь облитый солнцем, стелется вплоть до края небес, как пышный, зелёный ковер, а правый взмахнул к небу кручи свои, поросшие лесом, и замер в суровом покое. Между ними величаво простёрлась широкогрудая река; бесшумно, торжественно и неторопливо текут её воды; горный берег отражается в них чёрной тенью, а с левой стороны её украшают золотом и зелёным бархатом песчаные каймы отмелей, широкие луга... Всюду блеск, простор и свобода, весело-зелены луга, ласково-ясно голубое небо; в спокойном движении воды чуется сдержанная сила, в небе над нею сияет щедрое солнце мая, воздух напоён сладким запахом хвойных деревьев и свежей листвы. А берега всё идут навстречу, лаская глаза и душу своей красотой, и всё новые картины открываются на них. На всём вокруг лежит отпечаток медлительности: всё — и природа и люди — живёт неуклюже, лениво, но кажется, что за этой ленью притаилась огромная сила, сила необоримая»... («Фома Гордеев»).

К России, к родине, к этой чудесной стране, которую Горький, прибегая к его собственной формуле, знал, как знают книгу стихов любимого поэта, которая была предметом его законной гордости, всегда обращена его творческая активность.

О русском народе Горький говорил: «Я думаю, что когда этот удивительный народ... начнет работать с полным сознанием культурного... весь мир связующего значения труда — он будет жить сказочно героической жизнью и многому научит... мир».

Об этом светлом будущем мечтали все лучшие умы человечества. На долю Горького выпало большое счастье: воочию видеть, как его мечты оборачиваются явью, как то, что грезилось ему в будущем, претворяется в настоящем. С нескрываемой гордостью говорил он о силе русского народа, раскрепощенной Октябрьской революцией и советским строем, о силе, не только лишь способной, но и на деле превращающей маловозделанную землю в цветущий сад, в «изумруд дорогой». Восхищенный, полный гордости за свой народ, которому он отдавал все силы, весь гений свой, следил он за сказочным ростом родной страны, за ростом новых богатырей земли русской.

Сейчас та «сказочно героическая жизнь», право на которую в жестоких боях завоевал себе русский народ, защищается в жестоких боях с врагом. Наследие Горького принадлежит к числу тех нетленных ценностей русской культуры, во имя которых ведем мы борьбу с немецкими захватчиками. Его образ вдохновляет нас на эту борьбу. Его пример учит не знать страха и усталости в этой борьбе, учит трудному, но благородному искусству — побеждать.

И. СЕРГИЕВСКИЙ.